

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ISSN 0038-5050

1

1990

• НАУКА •

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

1
Январь — Февраль
1990

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1926 ГОДА ● ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

- Э. А. П а и н, А. А. П о п о в (Москва). Межнациональные конфликты в СССР (некоторые подходы к изучению и практическому решению) 3
- Э. Х. П а н е ш, Л. Б. Е р м о л о в (Ленинград). Турки-месхетинцы (историко-этнографический анализ проблемы) 16

Статьи

- А. Ш. К о л ч а н о в а, Б. П. Ш и ф е р с о н (Ленинград). Советские организации Петрограда по работе среди национальных меньшинств в 1918—1921 гг. (проблемы и тенденции) 25
- Ш. Д. И н а л - и п а (Сухуми). Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX — начале XX в. 38
- А. И. К у з н е ц о в, Л. И. М и с с о н о в а (Москва). Метисация и этническое самосознание коренного населения Камчатки и Чукотки 50
- В. В. Н а п о л ь с к и х (Ижевск). Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция 65
- К. Ф л ю е р - Л о б б а н (Провиденс, США). Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе 75

Из истории науки

- А. Д. Ф р а н к о, О. Е. Ф р а н к о (Киев). Федор Кондратьевич Вовк (Волков). Биографический очерк 86

Дискуссии и обсуждения

- Лев Самойлов (Ленинград). Этнография лагеря 96
- В. Р. Кабо (Москва). Структура лагеря и архетипы сознания 108

Сообщения

- Н. И. Григулевич (Москва). Этноэкологическое исследование локальных пищевых комплексов русских старожилов Армении 114
- А. С. Петрова (Москва). Основные направления современной американской этнопсихологии (психологическая антропология и кросскультурные исследования) 125

© 1990 г.

Лев Самойлов

ЭТНОГРАФИЯ ЛАГЕРЯ

«Преступный мир, — высказался хорошо знакомый с ним Варлам Шаламов, — с Гуттенберговских времен и по сей день остается книгой за семью печатями для литераторов и читателей». Шаламов считает, что крупнейшие русские писатели, касавшиеся этой темы, — Достоевский, Толстой, Чехов, Горький — либо романтизировали и идеализировали уголовников, либо ошибались и не описывали настоящих «блатных» вовсе, принимая за них случайные фигуры. Ибо, заявил он, «блатной мир — это закрытый, хотя и не очень законспирированный „орден“, и посторонних лиц для обучения и наблюдения туда не пускают»¹. До недавнего времени и правоохранительные органы ревностно оберегали лагерь от внешнего наблюдения, не предоставляли прессе доступ туда. Эта закрытость, по существу за немногими исключениями, остается и сейчас².

Мне, можно сказать, повезло.

В 1981—1982 гг. я отбывал заключение в ленинградской тюрьме «Кресты», а затем в лагере (исправительно-трудовой колонии) на окраине Ленинграда. Срок был сравнительно небольшим (полтора года), и поскольку я не признал за собой вины, имея в виду добиться реабилитации, то отбыл его полностью. Перед тем я преподавал в Ленинградском гос. университете и занимался научными исследованиями — мои работы печатались в археологических, этнографических, исторических и философских изданиях. Это предопределило мою ориентацию в тюрьме и лагере — дало мне возможность отвлечься от личных невзгод и с интересом войти в чуждую и буйную среду. Среду, в которой скопилось множество тяжелых проблем, настоятельно требующих изучения.

Я решил рассматривать свое невольное путешествие в этот непривычный мир как очередную научно-исследовательскую экспедицию, а свое ознакомление с ним — как включенное наблюдение, временами — как включенный эксперимент.

Качеству наблюдения способствовало то, что, несмотря на небольшой срок, неуважаемую уголовниками статью обвинения и интеллигентское прошлое, я отстоял в тюрьме и лагере свое достоинство и даже завоевал (вероятно, некоторыми особенностями своего характера) уважение в этой среде: занял в ней влиятельное положение, получил высокий статус — титул *уголового*. В спальняной секции, где громоздятся трехъярусные койки на полсотни и больше заключенных, уголовной занимает нижнюю уголовную койку, на которую никто не имеет права присесть и даже ступить, забираясь на расположенные выше койки. Угловому никто не смеет бить и оскорблять, к нему обращаются не с *кликухой* (кликчей), а по имени-отчеству, с ним охотно *базарят* (беседуют) эки любого ранга, и ему открыто многое вокруг.

Результат этого импровизированного исследования я изложил в двух публицистических статьях, напечатанных в журнале «Нева»: «Правосудие и два креста» (1988, № 5) и «Путешествие в перевернутый мир» (1989, № 4). Статьи эти я публиковал под псевдонимом, которым пользуюсь только для публицистики, а поскольку здесь продолжается начатый там разговор, я выступаю под тем же псевдонимом и в данном обсуждении.

Для этнографов и других специалистов по культуре могут представлять интерес следующие аспекты темы.

1. **Особый мир: уголовная среда мест заключения как субкультура.** Нравы и обычаи этой среды описывались неоднократно. Несмотря на упреки В. Т. Шаламова, все же «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и чеховский отчет о поездке на Сахалин можно считать началом русской писательской традиции публицистического описания социального дна и его язв — традиции, которую продолжили своим подвижническим трудом В. Т. Шаламов и А. И. Солженицын³. В этой традиции было много описательных работ⁴, на основе которых выросли научные труды М. Н. Гернета — самые крупные исследования о царской тюрьме и каторге⁵. Сталинские лагеря подробно освещены В. Т. Шаламовым и А. И. Солженицыным⁶. Но после оттепели 60-х годов «архипелаг ГУЛАГ» существенно изменился, особенно в том, что касается его контингента и административных установок. Я же наблюдал изнутри и смог описать лагерь современный, начала 80-х годов⁷. Несмотря на смягчение режима по сравнению с прежними временами, мои описания ужаснут непривычного человека, ибо уголовная среда не стала более благой.

Конечно, обстановка в лагерях неодинакова. Тот лагерь, где мне довелось отбывать срок, не относился к числу лучших для проживания. Это был мужской лагерь общего режима. В лагерях более сурового режима (усиленного, строгого) обстановка спокойнее. Но, с другой стороны, есть и такие, где выжить и сохранить здоровье значительно труднее. Таковы лагеря дальние, периферийные. Кроме того, в женских колониях, по свидетельствам побывавших там, куда хуже, чем в мужских, а наибольшей свирепостью отличается среда в колониях для несовершеннолетних (*малолеток*).

В каждом государстве существует субкультура уголовников, «культура дна». Криминалисты отмечают, что и в нашей стране «у преступного мира существует своя субкультура, которая является одним из мощных факторов воспроизводства преступности»⁸. Но я наблюдал эту субкультуру в лагере, а это нечто особое.

В своих наблюдениях я обращал внимание на институционализацию уголовной среды в лагере, на ритуализацию всей жизни в нем, на самостоятельные структуры сообщества уголовников. Уголовная субкультура в лагере выглядит сугубо формализованной, очень жесткой, живучей и сильной. Она отличается не только от общей культуры народа, но и от уголовной субкультуры на воле, представляя, так сказать, ее конденсат, и тут действуют такие процессы и структуры, которых на воле нет. В естественном состоянии на воле уголовный мир существует мелкими группками, там нигде нет такого гигантского скопления вора, а в тюрьмах преступники рассажены по камерам и редко встречаются с обитателями других камер. Лагеря создали у нас совершенно особый вид уголовного сообщества — такого не было и нет нигде в мире. Эта уникальная структура заслуживает тщательного и срочного изучения.

Сообщество уголовников в лагере четко разделяется на три касты (*масти*). В нашем лагере они назывались: *воры, мужики и чушки*⁹.

Воры (по другим обозначениям, *люди, человеки*, в прежние десятилетия — *блатные*) — это не только те, кто осужден за кражу, но и бандиты, грабители, убийцы, словом, любые уголовники крупного пошиба, пользующиеся в преступном мире славой лихих, опытные, агрессивные и умеющие постоять за себя. Обычно их около одной десятой или даже одной шестой всего лагерного контингента, но за пределами того, что доступно ведению администрации, они управляют в лагере всем. Раздача пищи и белья, размещение на койках, поведение на работе и вне ее — за всем неусыпно следят воры.

Воры являются блюстителями «воровского закона», т. е. уголовной морали, которую они прививают и навязывают всем. По этой морали, не труд, а кража, грабеж, разбой — дело чести и доблести, всякое убийство — героический поступок, пьянка и дебош — высшая улада, *кайф*, предмет сладостных воспоминаний.

наний, похвальбы и зависти. Правила этой морали диктуют непримиримое противостояние *ментам*, запрещают давать правдивые показания и доносить (хотя бы на врагов!), требуют уплаты карточных долгов, осуждают *крысу* — ворующего у своих, у воров же. Считается привилегией воров отнимать передачи и вообще любые продукты у мужиков и чушков, кроме пайки хлеба, — это кровный *положняк*, его отнимать нельзя. *Правилка* (воровской суд чести) моментально покарает нарушителя — при мне одного нарушителя, отнявшего положняк, выпорол перед строем всего отряда (около 200 человек). Но чаще страдают те, кто вздумал бы утаить от воров полученную передачу.

Мужики (это средняя каста) называются так потому, что пашут — работают за себя и за воров. Их в лагере большинство, но они ничего не решают. Обычно это люди, попавшие в лагерь за бытовые преступления, мелкие хищения на производстве или спекуляцию, хулиганство. Часто это случайные преступники. По воровской классификации, их следовало бы относить к *фраерам* — непричастным к миру *урок*, но государственный закон и суд сочли их преступниками и в этом смысле (но только в этом) уравнили с ворами. Современные урки их фраерами не зовут: они ведь тоже нарушили закон, тоже пострадали от суда и *ментов*, тоже попали за решетку и так же *мотают срок*. От фраеров на воле они отделались, но и к ворам не причислены. Так же, как на воле вору его мораль позволяет облапошивать фраеров, так в лагере ему сам бог велел жить за счет мужиков — отнимать у них передачи, похищать продукты ради *грева* — подкормки сидящих в штрафном изоляторе воров (это не считается *крысятничеством*), заставлять работать вместо себя, понуждать к уборке помещений и т. п.

Третья каста (*чушки, обиженные*) — это изгой, отверженные, парии, сословие рабов. Сюда попадают люди малодушные или опустившиеся, грязные (отсюда название — *чушок*), пораженные кожными заболеваниями, дебилы или, наоборот, чересчур интеллигентные, сюда же относят многих попавших в лагерь по сексуальным статьям (особенно за половые извращения, безусловно — пассивных партнеров), и сюда же можно угодить за серьезные нарушения воровской морали — неуплату карточного долга или кражу у своих (*крысятничество*). Чушков можно и должно подвергать всяческим унижениям, издевательствам, побоям. В качестве рабов они должны обслуживать воров, исполняя любые их прихоти, чистить общие уборные. Чушок должен быть покорным и незаметным — как дух, как тень. Чушок всегда в синяках, бледный, с ужасом в глазах. Как чушки выносят подобную жизнь, мне непонятно. Их примерно столько же, сколько воров, т. е. одна десятая или чуть меньше.

Для них, *обиженных*, администрация создала специальные замкнутые отделения в тюрьме и лагере (*обиженки*), чтобы как-то обезопасить их от бесчинств, но всех чушков туда не упрятать. И главное, они снова выделяются средой, а в обиженках немедленно возникают — уже из самих обиженных — те же три касты: свои вору, свои мужики и свои чушки. Так что система обладает замечательной воспроизводимостью.

Касты различаются по униформе, поведению, правам, экономическому и бытовому положению. Всеми правдами и неправдами вору стремятся переокрасить выданную администрацией униформу в черный цвет, ушивают ее по фигуре и щеголяют в отутюженных брючках и начищенных сапогах на увеличенных каблуках. Мужики носят мешковатые синие *робы*, а чушки донашивают чужие обноски — утратившую цвет серую рвань. По лагерю вору ходят с гордой осанкой, держат себя развязно, нагло, везде (в столовой, поликлинике, лавке) проходят без очереди. Мужики ведут себя скромно, большей частью помалкивают или разговаривают тихонько, они всегда усталы и голодны. Чушок вечно прячется в закуулках, стоит позади строя, полусогнутый, со втянутой в плечи головой, запуганный и дрожащий. В столовой за каждым столом первые и лучшие порции получают вору — чтобы наесться *от луза*, затем раздают порции мужикам (делят поровну, досьята не получается). Чушки стоят в конце длинного

стола и доедают остатки — у них жизнь и вовсе впроголодь. Тех из них, кто причислен к *пидорам* (педерастам и вафлерам, т. е. пассивным участникам орально-генитальных сношений), во многих лагерях вообще не пускают за стол — они должны есть в углу, по-собачьи, из отдельной посуды. Чтобы не спутать как-нибудь, не смешать посуду, их миски и ложки пробиты насквозь (а что протекает, не беда, сойдет и так). Спят воры на нижнем ярусе коек, мужики — на среднем и верхнем, а чушки — в отдельных помещениях похуже, нередко непроветриваемых, без окон (*обезьянниках*).

Верхняя каста дробно иерархизована. На вершине пирамиды — *главвор*, или *авторитет* (прежний титул — *пахан*). Пост этот достается не обязательно самому сильному физически, а одному из наиболее решительных и искушенных, властных и опытных, тому, кто сумеет заручиться наиболее широкой поддержкой воров. Ниже располагаются *угловые* (занимающие в каждом бараке или казарменном помещении угловую нижнюю койку), *бугры* (бригадиры), далее в иерархии следуют *бойцы* (дружинники главвора) и *уж* затем — прочие воры и еще одна категория — *подворики* (новички в касте, *шестерки* — те, кто в подручных, на побегушках у влиятельных воров). Деление на касты наглядно выступает в размещении на собраниях или когда позволено смотреть телевизор: впереди на кресле главвор, у ног его располагается свита, далее на первых скамьях рассаживаются бугры и угловые, затем — другие воры, за ними на чем попало громоздятся толпой мужики, а в двери и щели несмело заглядывают чушки.

Официально администрация этого различия не признает, но на деле вынуждена считаться с ним, в частности при назначениях заключенных на различные посты в «самоуправлении» — старшин, бригадиров и т. п. Старшина отряда может распоряжаться только в том случае, если его назначение одобряет главвор отряда. Иногда старшиной просто назначают главвора. Характерно, что главвора можно назначить старшиной, но я не слышал, чтобы когда-либо старшина превратился в главвора. Главвор со своими присными спаян в тесную клику, и иногда происходят кровавые схватки между разными воровскими кланами — схватки за власть. Но обычно власть устанавливается мирным порядком на ночной *сходне* воров. Мужики и, уж конечно, чушки в сходне не участвуют.

Власть воров держится на терроре, на устрашении. Существует детально разработанная, нигде не записанная, но всем в лагере известная шкала жестоких наказаний за прегрешения против воровской власти и воровского закона. Каждое наказание имеет свое место в этой шкале и свое жаргонное название: скажем, *опустить почки* (бить по пояснице до крови в моче), *заглушить* (топтать и терзать до полусмерти), *замочить* (убить). Одно из серьезных наказаний — лишение статуса, перевод в нижестоящую касту. Чтобы провести эту меру, *опустить* человека, нужно выполнить особый обряд, включающий торжественную смену одежды (на одежду нижестоящей касты), а если речь идет об опускании в касту чушков, то и реальное или символическое изнасилование. Для последнего достаточно прикоснуться половым членом к губам *опускаемого*.

Время от времени в том или ином отряде (подразделении исправительно-трудовой колонии) воры производят *замес* — ночное поголовное избиение мужиков и чушков, чтобы те пребывали в постоянном страхе перед ворами. Замесы происходят один-два раза в месяц. В иных отрядах воры обходятся без замесов. Об отрядах, где замесы происходят часто, говорят, что там царит *беспредел* (этим словом и вообще обозначают произвол и бесчинства воровских заправил, переходящие всякие границы).

2. О силе зла: аккультурация и диффузия. Благодаря организованности, сплоченности и агрессивности воров в лагере родившаяся там воровская субкультура становится уголовной субкультурой лагеря в целом. Эта субкультура обладает чрезвычайно высокими потенциальными аккультурации. Человек поставлен всей обстановкой лагеря в условия, требующие от него сосредоточения

всех жизненных сил на одной-единственной задаче: выжить. Солженицынский Иван Денисович весь подчинен этой задаче. Солженицын акцентирует роль государства и администрации в сложении этих условий, Шаламов больше вскрывает роль воровской среды. Оба фактора взаимосвязаны: без государственных мер воровская среда не была бы столь конденсированной и не получила бы такой власти над остальным контингентом, а без воровской среды с ее традициями лагеря не обрели бы таких потенций аккультурации. Администрация контролирует лишь общие контуры поведения заключенного, лишь издала, лишь в дневные часы, тогда как воровская среда охватывает заключенного плотно, круглосуточно и повсеместно. За утрату чести и достоинства, за стигматизацию (клеймение) обществом она компенсирует его, показывая еще более униженных, позволяя отыграться на них и открывая пути продвижения по ступеням воровской иерархии. Ее кара за сопротивление наступает быстрее, чем государственная, и бьет сильнее.

Школу отрицательного опыта в лагере проходят все. Воры утверждают тут в своей *клатной* морали, приобретают закалку характера, становясь идеально жестокими, наглými, агрессивными, повышают профессиональную выучку для преступных занятий. Мужики проникают безверием и цинизмом, приучаются к покорности и плутням. Чушки лишаются малейших остатков человеческого достоинства и становятся готовыми на все — на любое унижение, любую подлость, только бы избежать побоев, получить какие-нибудь мелкие поблажки.

Все три касты цементируются в единый коллектив, сильный своей ненавистью к *ментам*, традициями, отработанным взаимодействием и круговой порукой. Эта система парализует усилия административного аппарата, и в результате лагеря не способны выполнять свою основную функцию — перевоспитывать преступников, превращать их в законопослушных граждан. Наоборот, лагеря оказываются рассадниками преступности в стране. Не менее трети освобождающихся вновь совершают преступления (и ведь это только выявленные рецидивы, а сколько остается за пределами статистики!).

Между тем в начале 80-х годов из лагерей ежегодно выходило на свободу и вливалось в общество чуть меньше миллиона человек. Сколько же проходило через лагеря, получая криминальную закалку, за время жизни одного поколения? Многие миллионы. Вдобавок сказывается и прошлое страны: в 40—50-е годы в тюрьмах и лагерях у нас сидело, по воспоминаниям Н. С. Хрущева, до 10 млн. человек!¹⁰ (по разным подсчетам зарубежных историков, от 17 до 22 млн. человек). Ныне те из них, кто выжил, пребывают в составе старшей части общества. За последние 30 лет осуждено 35 млн. человек (из них 10 млн. — по рецидиву), больше половины из них были в местах лишения свободы. Сейчас, по данным, приведенным в речи министра внутренних дел В. В. Бакатина в Верховном Совете СССР (июль 1989 г.), в местах лишения свободы находится около 800 тыс. человек, а еще год-два назад было вдвое больше — 1,6 млн. Так что лагеря и сейчас перерабатывают заметную часть населения страны, увеличивая в нем криминальный компонент.

В связи с этим нужно отметить то огромное влияние, которое лагерная субкультура оказала на всю культуру нашей страны. Вспомнив эпизод в аэропорту — о том, как сотрудница Аэрофлота грубо покрикивала на иностранцев, загоняя их в «накопитель», Е. Евтушенко замечает: «Не пришло ей в голову, что „накопитель“ это слово из лагерного лексикона... А вы не задумывались о том, сколько лагерного в нашей ежедневной „вольной“ жизни — всевозможных накопителей, отстойников, очередей то за тем, то за этим, как за лагерной балансод... унижительных шмонов — физических и духовных, паханства и шестерничества, видимых и невидимых колючих проволок...»¹¹ Еще более широкоохватным является замечание А. Битова: «Жить в России и не иметь лагерного опыта невозможно. Если вы не сидели, то имели прикосновения и проекции: сами были близки к этому или за вас отволокли близкие и дальние родствен-

ники, или ваши будущие друзья и знакомые. Лагерный же быт растворен повсюду: в армии и колхозах, на вокзалах и в банях, в школах и пионерлагерях, вузах и студенческих стройотрядах»¹². Но оба писателя больше намекают, собственно, на роль государства в обеспечении диффузии лагерной субкультуры за пределы лагерей. Между тем не стоило бы оставлять в тени другую сторону явления, другой активный фактор: основной массив лагерной субкультуры — это воровская стихия. Кажется, еще никем во всей полноте не описано и не оценено то массированное вливание «блатной» лексики в русский просторечный и даже в литературный язык, которое произошло за время Советской власти: *блатной, туфта, халтура, погореть, засыпаться, шкет, шпингалет, на арапа, бычок, чинарик, чифир, шестерка, шпана, заложить, стукач, кимарить, мент, легавый, доходяга, качать права, на халяву* и т. д. Не говоря уже о потрясающей распространенности «блатных» песен, брани, татуировок.

Поэтому изучение «блатной» субкультуры в чистом виде — как уголовной субкультуры лагерей — исключительно важно. Важно для целей борьбы с ней в очагах ее постоянного воспроизводства. Есть ли в этой субкультуре уязвимые места? На какой базе она существует? Как прервать или хотя бы ослабить питающие ее злокачественные культурные традиции?

С другой стороны, лагерную субкультуру уголовников естественно рассматривать как часть общей культуры народа, как ее подвид, а особенности этой субкультуры — как продолжение и усиление недостатков нашего общества, наследственных (пережитки прежних формаций) и приобретенных (деформации идеала, свойственные реальному социализму). Так, Г. Ф. Хохряков считает, что в грубом приближении в колониях осужденные пытаются создать то, что они утратили. Появляется некая модель общества, из которого они изъяты¹³. И. Маймистов пишет: «Сообщество осужденных не изобрело велосипеда и не оно выдумало модель, по которой строит свои законы. Оно лишь скопировало, правда, в более жестокой форме, те отношения, которые почти все мы почитаем или не почитаем, но исповедуем в нашей свободной жизни»¹⁴. Авторы указывают на охватившие наше общество нетерпимость, бездушие, жестокость, на существование у нас и на свободе своих отверженных — людей с судимостью или тех, кого еще недавно столь решительно отвергали, — «диссидентов» и др.

Все это действительно имеет место. В нашем обществе были и элементы кастовости, и жестокий террор, происходило и формирование кланов, борющихся за власть, а избавились ли мы от всего этого полностью? Не без основной особенности субкультуры уголовников возводят к еще одному фактору — специфике закрытых сообществ¹⁵ — и сравниваются с армейской уголовщиной особого вида (дедовщиной, которую неполно и неточно определяют то как «неуставные взаимоотношения», то как «казарменное хулиганство»).

Однако одними этими факторами возникновение рассматриваемой субкультуры и ее специфики не объяснить. В такой категорической и абсолютной форме приведенные объяснения неверны. Лагерное сообщество уголовников — отнюдь не просто слепок нашего общества, а лишь отражение некоторых, пусть даже многих, его сторон. Массовое возникновение городских подростковых бандформирований (*стай*), организованных на тех же принципах, в Казани и других городах показывает, что для объяснения феномена, включающего и субкультуру уголовников, эта модель недостаточна: Казань — не изолированный социум и не общество чзгоев.

3. Уголовник и дикарь: сходства лагерной среды с архаическим обществом. О примитивизме психологии и языка уголовников написано немало¹⁶. Однако непосредственное наблюдение позволило мне углубить более разностороннее сходство уголовной среды с первобытным обществом. И тут и там т р е х к а с т о в а я с т р у к т у р а, а также выделение вождей с их боевыми друзьями. Первобытное общество на стадии разложения всегда распадалось на верхний слой (дифференцированную знать, включающую аристократов, жрецов и купцов), средний (крестьян-общинников) и низший (рабов, изгоев).

Каждый зэк старается найти себе (часто среди земляков) *кента* — закадычного лагерного друга, с которым можно было бы вместе *цифирить*, делить передачи, помогать друг другу во всем и защищать друг друга от *беспредела*. Институт *кентовки* очень напоминает первобытное *п о б р а т и м с т в о*.

Арханческим (первобытным) обрядам инициаций соответствует *прописка* в камерах и лагерях с жестоким ритуалом и азартными избиениями, с каверзными вопросами и стандартными ответами на них, которые нужно заранее знать. На вопрос: «Пику в глаз или в ж... раз?» — нужен ответ: «Шаг в сторону и ход конем!». На вопрос: «В ж... дашь или мать продашь?» — следует ответ: «Парня в ж... не е..., мать не продают». На вопрос: «Кого будешь бить — кента, зэка или медведя?» — ответ, разумеется: *медведя* (кент — это друг, зэк — сотоварищ, свой), но далее следует вопрос: «Как бить — до крови или до синяков?». Надо отвечать: «До крови», потому что тогда можешь отделаться легкой царапиной, а иначе и будут бить до синяков. Впрочем, отношение к кентам двойственное — на вопрос: «На танке едешь, кого задавишь — кента или мать?» — требуется ответ: «Кента. Сегодня кент, а завтра мент». Еще вопрос: «На толчке (унитазе) газета, на ней чистый кусок хлеба, а на столе грязный кусок мыла. Что согласишься есть — хлеб или мыло?» Надо ответить: «Мыло». Заставят реализовать сказанное и съешь хлеб с унитаза, даже отделенный газетой, — попадешь в чушки: осквернился. А мыло в тюрьме и зоне — дефицит, его тебе съесть не дадут, пожалеют (не тебя, а мыло). Хитроумный вопрос: «Если кента укусит змея и надо отсосать — что будешь делать?». Ответ: «Позову вафлера» (ведь ранку на руке или ноге кент мог бы отсосать и сам). Не сумеешь догадаться, можешь угодить в пидоры...

Обычаям табу вполне идентичны представления уголовников о том, чего делать нельзя, что не подобает (*заподло*) обитателю лагеря (*заподло* — держать за подлое, принимать за подлое). Эти представления давно утратили смысл и уже непонятны, но строго соблюдаются. Нельзя носить что-либо красного цвета (там иная символика: это цвет педерастии). Нельзя использовать уроненную на пол или на землю ложку или миску (даже если ее помыть!). Но *пидорку* (лагерную шапку) поднять можно, только ее следует отстирать. Лишний хлеб нельзя бросать в толчок, а только в мусорное ведро или коробку. Воду в толчке нельзя спускать рукой — только ногой. *Заподло* пить прямо из крана (*с горбатого*) — по-видимому, от слишком близкой аналогии с орально-генитальным сношением. *Заподло* говорить «спасибо» (нужно: «благодарю»). *Заподло* называть *цирика* (надзирателя) по имени. Не подобает в драке бить кого-либо ногами... нет, не вообще, а лишь опираясь руками о шконку (койку), а без опоры — можно. И т. д.

Т а т у и р о в к а (*наколка*) исполняет у современных уголовников ответственные функции знаковой системы — точно так, как и у первобытных племен. Наколкой отмечается прохождение сквозь тюремные учреждения (разные виды перстней на пальцах), *зону* (пять точек на запястье), жизненные девизы владельца (четырёхлучевые или восьмиконечные звезды на плечах: «Клянусь, не надену погон»; те же звезды на коленях — «не опущу на колени перед ментами», оскаленная морда тигра — «оскалил пасть на Советскую власть»), статья уголовного кодекса, по которой он осужден (джинн, вылезавший из бутылки, — осуждение за наркотики; кинжал в руке — *бакланка*, т. е. статья за хулиганство; кот в сапогах — квартирные кражи, т. е. вор-домушник, и т. д.), срок (церковь с числом глав или колоколов по числу лет, которые человек *отзвонил*, т. е. пробыл в лагере *до звонка* — полностью, до конца срока). Криминолог А. Гуров (Москва) приводит другие в чем-то отличающиеся расшифровки (восьмиконечная звезда — профессиональный вор; сердце, пронзенное стрелой, — вор в законе; паук в паутине — наркомания)¹⁷. Если это не результат намеренного искажения смысла информаторами (ведь исследователь как-никак офицер милиции), и если не подвели мои информаторы (не все они с большим опытом), то надо заключить, что в разных районах и в разное время татуированные

изображения могут приобретать разный смысл, так что изучение этих локальных различий (например, в обозначении наркомании) может способствовать выявлению глубинных связей и районирования преступного мира, т. е. по ним можно проследить формирование локальных очагов преступности. К наколке относятся очень серьезно, этим не шутят. Можно накалывать только то, что тебе положено: (принцип: «отвечай за наколку»).

К татуировке примыкает другое у р о д о в а н и е т е л а — изменение размера полового члена подкожными включениями, обычно из пластмассы. — шарики, шпалами и даже осями с насадкой колесиков по бокам (эти колесики торчат снаружи). Уголовник убежден, что такое оснащение члена усиливает его сексуальную привлекательность — повышает наслаждение, доставляемое им женщине. Очень похожие приспособления — «ампаланги» Н. Н. Миклухо-Маклай описывал у малайских племен.

Сближает уголовников с дикарями и л ю б о в ь к у к р а ш е н и я м, особенно к блестящим, металлическим; ожерельям и медальонам на цепочках, перстням, браслетам. Особенной популярностью пользовались *ансеры* — браслеты с пластинкой, на которой выгравировано какое-нибудь изречение на латыни или английском. Их специально изготовляли в лагере. Воры, да и мужики, старались раздобыть себе застежки-молнии и шить их во все пригодные для этого места униформы — ширинку, карманы куртки и брюк.

Далее, поражает отмечавшаяся в литературе бедность, убогость б л а т н о г о ж а р г о н а, выражающего сотни понятий и оттенков каким-нибудь одним словечком, например оценочным *ништяк* (ничего) или нецензурным глаголом, заменяющим чуть ли не любой другой (он может означать «ударить», «украсть», «длительно возиться» и пр.). А многое выражается просто междометиями и бранью. Это поистине словарь Элочки-людоедки.

Уголовники демонстративно прокламируют некое несуществующее на деле особое п о ч т а н и е м а т е р и («не забуду мать родную») — отец не упоминается. Оскорбление матери — тягчайшее из оскорблений (матерная брань). Даже традиционное русское ругательство из трех слов нередко в диалоге вежливо заменяется другим, эвфемистичным: «не «...твою мать!», а «...твою б...!». На место матери собеседника подставляется его мимолетная «подруга» — тяжесть оскорбления снимается. Кое-где даже избегают в драке бить по татуировкам со словом «мать». Во всем этом проглядывается нечто очень архаичное.

В уголовной среде очень распространены с у е в е р и я — надежда на амулеты, опасения сглаза, вера в «легкую руку» и т. п.

В чем причина всех этих сходств с архаическим или даже первобытным обществом? Многие объясняют все аномалиями в психической сфере, индивидуальным примитивизмом психики лиц «с отклоняющимся поведением», оказавшихся в уголовной среде, — тем патологическим примитивизмом, который, с одной стороны, привел их к асоциальному поведению, а с другой — обусловил многообразное сходство с детьми и дикарями.

С моей точки зрения, главная причина этих сходств коренится в биологической природе человека вообще. Известно, что за последние 40 тыс. лет человек биологически не изменился. Наша психофизиологическая природа та же, что была 40 тыс. лет назад. Тогда она и сформировалась. Следовательно, она должна была оказаться а д а п т и р о в а н н о й к т о г д а ш н и м природным условиям своего формирования и социокультурной среды. А социокультурная среда того времени — это первобытное общество, верхний палеолит, родовая строй. Вот к этой среде и приспособлена наша психофизиологическая природа. Культура и общество с той поры проределали целый ряд грандиозных скачков, колоссальный путь развития, а природа наша осталась той же. Выходит, мы созданы для того, чтобы быть первобытными охотниками (по сути, хищниками), придерживаться первобытных семейных норм, жить в небольших, весьма зам-

кнутых коллективах, в стабильной обстановке и в согласии с природной средой. Все остальное, наращено культурой.

В ней выработаны все те механизмы и структуры, которые предназначены компенсировать накопившиеся противоречия между психофизиологическими данными человека и нынешними социокультурными условиями его существования, адаптировать человека к нынешней социокультурной среде, от которой он отказаться не может. В этом суть современного воспитания в семье и обществе, обучения в школе, с этим согласована значительная часть функций индустрии спорта и зрелищ и пр. (разрядка напряженности, сублимация агрессии).

Когда же по тем или иным причинам образуется дефицит культуры, психофизиологическая природа человека освобождается от культурных норм, от установок общества, навязанных ей воспитанием, и порождает то, что мы называем асоциальным поведением. Если же людей с дефицитом культуры собрать вместе, сосредоточить в закрытых сообществах и волею или неволею предоставить им некоторые возможности самоорганизации (а именно это и сделано в «исправительно-трудовых» лагерях), то в таких сообществах социальное бытие людей естественно приобретает те структуры и формы, которые вполне соответствуют природе человека, не воспитанного в современной культуре. Природе дикаря.

Конечно, противопоставление лагерной уголовной среды законопослушному обществу налагает дополнительную злонамеренность на изначально дикие формы. И конечно же, сходство с казарменным хулиганством говорит о роли закрытости, замкнутости в формировании злокачественных субкультур. Но сходство еще и с полубандитскими подростковыми формированиями в новых районах крупных городов и в пригородах, где не развита инфраструктура и куда слабо проникает культура вообще, заставляет полагать, что главное здесь все-таки — дефицит культуры.

Отсюда напрашивается вывод об основных направлениях борьбы с этой субкультурой и ее вредным воздействием на людей: а) ликвидация условий для формирования и существования ее структур, т. е. отказ от заключения в лагерях, б) повышение общего уровня гуманистической культуры народа.

Но может быть, кроме этого общего, радикального способа решения проблемы есть и частные приемы, способные быстро, без коренной ломки устранить хотя бы некоторые наиболее злостные особенности рассматриваемой субкультуры, ослабить и смягчить ее воздействие на индивида? Если бы можно было умелой организацией подорвать условия ее существования, затруднить ее подержание...

4. Традиции зла: проблема живучести субкультуры. Итак, в лагерях и — меньше — в тюрьмах с давних времен сложились традиции и нормы субкультуры, насильственно навязываемые сообществом уголовников каждому новоприбывшему. Часть этих норм помогает заключенному противостоять бедственным для него обстоятельствам неволи да и своей личной неорганизованности, помогает справиться с личной катастрофой. Это нормы взаимопомощи, традиции общественной саморегуляции и самоорганизации (выборы старост в камерах, очередность в распределении мест и т. п.), выработанные формы сопротивления злоупотреблениям администрации (например, голодовка).

Другие нормы (и их значительно больше) носят злокачественный характер — в них проявляется насилие уголовных верхов над всеми прочими обитателями исправительных заведений и культивируется уставка на асоциальное поведение. К таким нормам относятся: разделение сообщества на касты, ставящее закоренелых преступников над шаткими, ситуационными, исправимыми правонарушителями, систематическое ограбление масс (дань), жестокие обряды, грубые обычаи, дикие забавы, различные формы террора. В них заключается механизм аккумуляции (перевоспитания), противостоящий усилиям администрации по исправлению преступников. Как демонтировать этот очень живучий механизм? Как пресечь, прервать злокачественные традиции криминальной субкультуры?

Конечно, первопричины преступности нужно искать в чем-то ином — в недостатках общественного устройства, в неравномерности распределения общественных благ, образования и культуры, в личных качествах отдельных индивидов, но и роль криминальных традиций, их влияние на людей нельзя сбрасывать со счетов. Эта сторона преступности образует самостоятельную проблему.

А что если применить к решению этой проблемы коммуникационные критерии стабильности и нестабильности культуры? Согласно современным семиотическим представлениям, культура есть прежде всего некий объем информации, передаваемой не генетическим путем, а хранящийся вне индивида в обществе, и нормально уделяемой обществом каждому индивиду; эта информация, усваиваемая каждым индивидом после его рождения, содержит пластичную программу поведения. В рамках этой концепции культурную преемственность можно представить как передачу культурной информации от поколения к поколению, т. е. как сеть коммуникации наподобие телефонной или радиосвязи. В науке об электросвязи, радиосвязи и т. п. давно определены те факторы, которые обеспечивают устойчивость и эффективность коммуникационных сетей: исправность контактов, достаточное количество каналов связи, повторяемость информации, единство знаковой системы и др. Нарушение этих факторов ведет к неисправностям и разрыву сети, к нарушению передачи. В культурологии уже были попытки уподобить распространение культурных явлений коммуникационным процессам в технике¹⁸. Задача в том, чтобы определить, какие явления в культуре соответствуют тем или иным дефектам в технических сетях коммуникации.

Например, к нарушениям контактов можно приравнять конфликт поколений и убыль воспитания в семье. К сужению и уменьшению каналов передачи — резкое сокращение объема школьного образования, ликвидацию каких-то воспитательных учреждений, исчезновение ряда профессий. К уменьшению повторяемости — ускоренную смену профессиональных занятий, раннее отделение молодых семей, и т. д.¹⁹

А каким явлениям в лагерной жизни можно было бы придать аналогичное значение? Повторяемость информации, ее закрепление обеспечивается длительностью сроков заключения, многолетним пребыванием в колонии и монотонностью, однообразием быта. Уменьшить повторяемость невозможно без сокращения сроков заключения и без изменения их форм. Под последним имеется в виду замена содержания в исправительно-трудовых заведениях отбыванием наказания без отрыва от дома или с частичным отрывом — на дневное время суток или, наоборот, на ночное время. Одно из средств специфически уголовной коммуникации, передающей престиж в этой среде, — знаковая система криминальной среды: татуировка, самостоятельное варьирование лагерной униформы (по кастам), блатной жаргон, матерная брань. Администрация борется с этим, но безуспешно: татуировка несмываема, варьирование униформы (окраска) трудно устранить, и, как показывает армейский опыт, взамен могут возникнуть неконтролируемые формы варьирования (способы ношения, мелкие детали), а за речью вообще не уследить. К некоторому разрушению контактов в передаче злокачественных лагерных традиций привела бы частая перетасовка отрядов, на которые делится лагерь, а еще больше — иной принцип распределения новоприбывших по отрядам, который бы отделил новичков от старожил. Нетрудно заметить, что эти установки противоречат друг другу. Кроме того, они не вяжутся с функционированием лагеря и его отрядов как производственных коллективов. В идеале устранить контакты, передающие эти злостные традиции, могло бы лишь введение всемерной изоляции заключенных друг от друга вплоть до одиночного заключения (при этом могли бы применяться резко сокращенные сроки заключения). Наконец, как добиться сужения и уменьшения каналов коммуникации? Если задуматься, то очень просто: уменьшить число лагерей.

Отрадно, что наши правоохранительные органы пошли по этому пути: за последние год-два количество населения исправительно-трудовых колоний уменьшилось вдвое и почти половина колоний закрыта. Правда, это осложнило обстановку в них: выпущены на свободу менее опасные правонарушители, и в лагерях сгустился контингент повышенной криминальной насыщенности. Правда и то, что материальная часть лагерей (постройки, оборудование) прудометрительно не поддается уничтожению: администрация не верит в целительность и долговременность предпринятых мер²⁰, потому что преступность растет.

Но ведь из всего сказанного выше вытекает еще более радикальное решение вопроса о лагерях — вовсе от них отказаться. Тогда подпитка уголовной субкультуры резко ослабеет: останутся лишь те каналы передачи вредной информации, которые уголовники применяют для коммуникации на воле, а они гораздо слабее (криминальные сообщества там рассеяны, встречи спорадичны). Но такое решение означало бы отказ от давно принятого у нас метода исправления коллективным трудом. Что ж, этот метод отнюдь небезупречен, но его оценка выходит за пределы этнографических аспектов темы.

5. Прочие аспекты. В своем анализе я не рассматриваю подробно прочие этнографические аспекты темы, но мои наблюдения и описание среды, надеюсь, дают пищу и для других размышлений. Так, примечательный феномен представляет собой образование лагерных *семей* на основе чего-то вроде *побратимства* (*кентовка*, *кенты*), мною лишь бегло отмеченное. Интересны торговые отношения без монетной формы денег: в лагере иметь деньги запрещено, и пакетик чая (необходим для чифиря) превратился во всеобщий эквивалент (*тюмак*, *тимак*). Так, при обменах, купле-продаже за 1 тимак можно было в начале 80-х годов приобрести 5 пачек сигарет, или 2 банки рыбных консервов, или 2 пачки маргарина, или 1 буханку белого хлеба, или 2 буханки черного (источник их поступления — *выписка* из лагерного магазина, передачи с воли, хищения с кухни). Одна воровская (черная) куртка стоила уже 5 тимаков, штаны — 10, *гайка* (перстень) под золото с имитацией пробы — 10, *ансер* — 15 тимаков. Разумеется, в лагере трудно было бы накопить такое количество реальных пакетиков чая, нужных для оплаты, но их в реальности и не требовалось — повсеместно производились безналичные расчеты, а в тимаках лишь все исчислялось, так что тимак превращался в условную меру стоимости. Долги записывались, а в какой-то момент можно было расплатиться товарами и услугами. Эти сложные торговые сделки (*макли*) нередко приводили к конфликтам и крови.

В ленинградских лагерях межэтнические отношения не выступали на первый план, что естественно: население более или менее, однородно в национальном отношении. Интересно, однако, что антисемитизм тут (речь идет о начале 80-х годов) не был замечен, хотя евреи в колониях были (в Ленинграде это наиболее заметное включение в славянскую среду). По крайней мере антисемитизм ограничивался тут отдельными личными взаимоотношениями и не перерастал во всеобщую травлю, чего можно было бы ожидать, учитывая грубость и неразвитость основного контингента. Я справлялся у бывавших в других колониях — картина та же во многих.

Чем объяснить этот феномен? Тем ли, что в этой среде реально существовавшие в обществе тенденции нередко приобретали противоположную направленность? Мне кажется, скорее всего здесь больше сказалось другое: изменения стереотипного образа еврея в представлениях обывателя, связанные с переменами в мире. Сказались сообщения прессы о многолетней войне государства Израиль с арабами и эмиграция части евреев из СССР (преимущественно в США). На месте существа физически слабого, невоинственного, говорящего с акцентом, хитрого, но смешного и жалкого (такой тип возбуждает у уголовников инстинкт преследования) появился другой образ: абсолютно чисто го-

ворящий по-русски, агрессивный и преуспевающий фирмач, потенциальный иностранец (такой вызывает у *блатного* чувство зависти и восхищения). Национальная неприязнь с оттенком презрения сосредоточилась на жителях Средней Азии (уголовники обзывают их *чурками*) — они чаще оказываются в чужих. Это можно объяснить их меньшей грамотностью, плохим знанием русского языка и скванным из-за этого поведением.

Значительное место в лагерном быту занимает сексуальная жизнь, разумеется, на гомосексуальной основе: институт «жен» для лиц высокого статуса, гильдия «пидоров» (термин — от неграмотного *пидораз*, *пидорас*, т. е. педераст), сексуальные действия в обрядах опускания. Лагерная этика отличает гомосексуальные сношения на воле от тех, которые происходят в лагере: первые считаются зазорными, вторые — нет. Активные партнеры даже в лагере имеют более высокий статус, чем пассивные. Распространенность этих отношений в лагере не всеобъемлюща и затрагивает больше верхний слой и часть нижнего (*пидоров*). В среднем слое она невелика, а между тем именно он наиболее многочисленный. И *воры*, и *пидоры* отрешаются от гомосексуального поведения сразу же по выходе из лагеря, если не имели этой склонности до лагеря.

Любопытна цветовая символика: красный цвет табуирован, так как считается цветом педерастии. Объяснить это никто мне не мог. Не исключено, что в основе лежит эфемистическое выражение «посадить на красного (или кожного) коня» (смысл: изнасиловать).

Вообще семиотические аспекты рассматриваемой субкультуры представляют интереснейшее поле для исследований, а нынешняя открытость темы позволяет избирать разные пути ее изучения, минуя мой путь.

Приведенные здесь соображения, а также материалы наблюдений подробнее представлены в указанных выше моих статьях.

Примечания

¹ Шаламов В. Очерки преступного мира // Дон. 1989. № 1. С. 75—76.

² Радывильский Д. Дайте нам журналиста и священника // Московские новости. 1989. № 27. С. 15.

³ Достоевский Ф. М. Сибирская тетрадь (Записки из Мертвого дома). Л., 1972; Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Т. 14—15. М., 1987; Шаламов В. Указ. раб. С. 74—115; Солженицын А. И. Архипелаг Гулаг. Ч. 1—7. Париж, 1973—75 (сокращенная публикация — «Новый мир». 1989. № 8—12; 1990).

⁴ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Т. 1—3. СПб., 1871; 3-е изд., СПб., 1900; Ядрищев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; Брейтман Г. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. Казань, 1901; Александров В. Арестантская республика // Русская мысль. 1904. Кн. 9. С. 68—84; Дорошевич В. М. Сахалин. М., 1907. (Ч. 1. Каторга; ч. 2. Преступники).

⁵ Гернет М. Н. Очерки тюремной психологии // Право и жизнь. 1922 (в большинстве номеров за эти годы); *его же*. История царской тюрьмы. 2-е изд. М., 1946—1951.

⁶ Той же теме посвящены книги: Варди А. Подковнойный мир. Франкфурт-н/М., 1971; Чалидзе В. Уголовная Россия. Нью-Йорк, 1977; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Париж, 1987 (см. мою рец. в журнале «Знание — сила». 1980. № 11).

⁷ Наблюдения «снаружи» представлены в работах: Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; *его же*. Социальная среда и личность. Автореф. дис. ... докт. юр. наук. М., 1987; *его же*. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988 (совместно с Г. С. Саркисовым); *его же*. Наказание лишением свободы // Социологические исследования. 1989. № 2. С. 75—83. В 1984 г. весь тираж его книги «Личность в условиях изоляции от общества» приказано было уничтожить (см. об этом «Московские новости». 1988. № 38. С. 11).

⁸ Гуров А., Щекочихин Ю. Под контролем мафии // Литературная газета. 1989. 19 июля. С. 13.

⁹ Эти же касты описываются, кроме работ Г. Ф. Хохрякова, в статьях журналистов: Никитский Л. Беспредел // Огонек. 1989. № 32. С. 27—29; Майминов И. Отверженные // Литературная газета. 1989. 19 апреля. С. 13.

¹⁰ Хрущев Н. С. Воспоминания // Огонек. 1989. № 28. С. 31.

¹¹ Евтушенко Е. Невоспитанность воспитания // Советская культура. 1989. 11 марта. С. 6.

¹² Битов А. Комментарий к общезвестному // Литературная газета. 1989. 12 апреля. С. 6.

¹³ См.: Лошак В. Личность за проволокой (беседа с Г. Ф. Хохряковым) // Московские новости. 1988. № 38. 10 сентября. С. 11.

¹⁴ Майминов И. Указ. раб. С. 13. Стлб. 3.

¹⁵ Podgórecki A. Zarzys socjologii prawa. Warszawa, 1971.

¹⁶ См., например: Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. Т. III—IV. Л., 1935. С. 47—100.

¹⁷ Гуров А., Щекочихин Ю. Указ. раб.

¹⁸ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 54—57, 126—207.

¹⁹ Клейн Л. С. Проблема смены культур и теории коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981. С. 18—23.

²⁰ Рожнов Г. Решетки про запас // Огонек. 1989. № 20. Май. С. 11—15.

© 1990 г.

В. Р. Кабо

СТРУКТУРА ЛАГЕРЯ И АРХЕТИПЫ СОЗНАНИЯ

Льву Самойлову принадлежит редкое в нашей стране достижение — он воспользовался своим вынужденным пребыванием в исправительно-трудовом лагере для того, чтобы подвергнуть среду, в которой ему пришлось жить, социологическому и этнографическому анализу. Он подошел к ней как исследователь, обладающий профессиональными знаниями и литературным талантом. Мир этот действительно еще плохо известен и почти совсем не изучен. Мне пришлось провести в лагере несравнимо больший срок — несколько лет, и было это не в 1980-е годы, а в 1949—1954 годах. С большим интересом прочитал я очерки Л. Самойлова в «Неве» (1988, № 5; 1989, № 4) и теперь в «Советской этнографии», прочитал их и как человек, располагающий аналогичным опытом, и как этнограф, посвятивший себя изучению первобытного общества. Нам обоим была предоставлена возможность изучать лагерное общество оптимальным методом «погружения», притом с интервалом в три десятилетия, что позволяет рассматривать это общество в динамике, в исторической перспективе.

Какие же мысли вызывает у меня очерк Л. Самойлова? В чем наши впечатления совпадают, а в чем — нет? Как я отношусь к его выводам, в том числе к сопоставлению, казалось бы парадоксальному, лагерного общества с первобытным?

В мое время, как и теперь, режим в лагерях разного типа тоже был различным, и я жил далеко не в худших условиях, в чем-то напоминающих те, в которых находился и автор очерков. Большую часть контингента составляли заключенные, отбывающие срок по так называемым бытовым статьям, меньшую — политические, сидящие по ст. 58 (к ним принадлежал и я). Я тоже имел возможность наблюдать иерархическую структуру лагерного социума. Правда, она менялась на моих глазах. Сначала в ней доминировали *суки* — изгои блатного мира, нарушившие его законы и поэтому осужденные этим миром на физическое уничтожение. При них в зоне царил тот *беспредел*, о котором пишет Самойлов, иначе говоря, власть силы, а не закона. Это было своего рода бесструктурное, хаотическое состояние. Затем в лагерь привезли группу воров *в законе*, которым удалось обзавестись холодным оружием и совершить переворот. Наутро после «ночи длинных ножей» из барakov выносили зарезанных *сук*. Наступило царство *закона*. Воры установили в зоне жесткий и, соответственно их системе представлений, справедливый порядок. У *мужика* больше никто не мог отобрать по собственному произволу деньги или полученную из дома посылку. Получив заработанную на лесоповале зарплату, он отдавал заранее обусловленную ее часть бригадиру, который в свою очередь передавал ее ворами. Кроме того, бригадир был обязан *проводить* в рабочих нарядах воров как работающих, хотя в дейст-

вительности они не работали, а сидели в зоне или грелись в лесу у костра. Но за это воры обеспечивали работающим спокойное существование, «социальную защищенность». Начальство, видимо, также было заинтересовано в такой системе «косвенного управления», так как она обеспечивала и выполнение производственного плана, и порядок в зоне. В рыхлом, бесструктурном состоянии, которое имело место при *суках*, выкристаллизовалась твердая структура, обладающая ясной, законченной формой. На вершине ее находилась немногочисленная, но сплоченная каста воров в законе, внизу — многочисленная масса *работяг*, или *мужиков*. Между теми и другими, как и полагается, располагалась прослойка — интеллигенция из заключенных, работники бухгалтерии, плановой части, санчасти и т. п. От них требовалась только лояльность к ворам и установленному ими порядку.

Во главе воров, в свою очередь, стояла еще более узкая группа *старших* воров, в которой, как мне представляется, господствовал принцип коллегиальности и коллективности руководства; впрочем, может быть, я ошибаюсь, на их совещаниях я не присутствовал. Внутри нее, однако, происходила постоянная борьба за власть, вследствие чего кто-нибудь из воров вдруг оказывался нарушителем воровских законов, кодекса воровской чести. Или откуда-то из дальних лагерей приходила *ксива* — письмо, разоблачающее кого-нибудь из воров в преступлениях против воровского закона, совершенных когда-то в прошлом, в другом месте. И на *толковище* (совещании воров, в данном случае — суде чести) такой отступник приговаривался к смерти как предатель и *сука*. Такие *ссучившиеся* воры иногда спасались на вахте, и их увозили в другие лагеря, где господствовали *суки*.

На низшей ступени воровской иерархии находились *малолетки* — молодые уголовники, будущие воры в законе, их смена, те, кто пополнит — сначала в лагере, а потом на воле — воровские кадры. Они еще учатся, овладевают нормами воровского мира, но уже принадлежат к правящему сословию.

Читая очерк Л. Самойлова, я обнаружил, что за тридцать лет лагерь стал во многом иным. Он ожесточился. Сама атмосфера изменилась. «Какие-то худые серые фигуры, опасно озираясь, бродят по зонам, жмутся к стенкам... И над всем веет какой-то готовностью к тревоге... Какой-то напряженностью, которая здесь разлита во всем и ощущается сразу. Некий глухой, затаенный ужас — в согнутых позах, в осторожных движениях, в косых взглядах. Будто незримый террор связывает всех» (Нева. 1989. № 4. С. 151). Ничего подобного в мое время (во всяком случае, в моем лагере) не было. Не было такого, чтобы стоны заключенных, истязаемых другими заключенными, раздавались в зоне почти каждую ночь, как пишет Л. Самойлов. Террор, конечно, был, на нем и держалась власть господствующей касты воров, но он не ощущался так явственно, так откровенно. Не было и такой системы изоэренных издевательств, такого откровенного садизма.

Кастовая иерархическая структура была и в то время, и она сохранилась, но самые касты и взаимоотношения между ними стали в чем-то качественно иными. У Самойлова отсутствует важное в прошлом понятие *технического* вора, артиста и виртуоза своей профессии, не запятнанного ее *мокрым* делом и потому пользующегося в своей среде (и среди остальных эзков) самой высокой репутацией, аристократа блатного мира. Я хорошо знал людей этой категории. Они отличались от остальных воров и многих других эзков сравнительно более высоким интеллектуальным развитием, интеллигентными манерами, нередко любовью к поэзии (кумир — Есенин). Они разительно отличались от других эзков и речевым поведением: никогда не сквернословили и в совершенстве владели *феней* (блатным жаргоном).

Самые границы воровской корпорации в очерках Самойлова как-то размыты: в категорию воров попадают и бандиты, и убийцы, и спекулянты. В воровском мире, каким я его знал, такого не бывало. Не входили в касту воров и бригадыры. Появилась каста *чушковых*, неприкасаемых, рабов, с которыми можно проделыв-

вать «все, что угодно». Можно поздравить наше общество: такого унижения человеческой личности, точнее — такой степени ее унижения тридцать лет назад в лагере еще не было. Не знаю, творилось ли тогда в колониях для малолетних уголовников что-нибудь подобное тому, что описывает Леонид Габышев в повести «Одлян, или Воздух свободы» (Новый мир. 1989. № 6, 7). Во всяком случае, возникает предположение, что и дедовщина, которая развилась в армии в последние десятилетия, и численный рост жестоких преступлений, о котором свидетельствует пресса, — все это явления не случайные, они отражают какие-то опасные сдвиги в общественной психологии, ее ожесточение. В этом процессе, симптомы которого мы наблюдаем ежедневно и повсеместно, большую роль сыграли и лагеря — рассадники преступности, более того, лагерной психологии, лагерного образа мышления, лагерных ценностей, лагерного отношения к жизни, разлагающих общество.

Л. Самойлов высказывает мысль, что в уголовной иерархии предстает, «как в зеркальном отражении», иерархия лагерной администрации (Нева, 1989. № 4. С. 155). На основании собственных наблюдений я позволю себе сделать иное обобщение. Вся иерархическая структура лагерного социума, какой я видел ее тридцать лет назад, была зеркальным отражением сталинского общества. Почему власть в лагерной зоне (и в тюремной камере) принадлежала ворам? Потому что они были слочены, связаны жесткой дисциплиной, воровским *законом*, и в этом отношении они подражали (стихийно или сознательно) правящей партии с ее иерархической структурой, ее дисциплиной и уставом, с вытекающими из членства в ней правами и обязанностями. Малолетки, будущие воры в законе, были своего рода *комсомолом*, кузницей кадров. Процессы над *суками* напоминали процессы над *врагами народа*, да и судьба *сук* напоминала судьбу последних — они подлежали беспощадному уничтожению. Мужики должны были добросовестно трудиться. Они облагались подоходным налогом, выплатив который могли жить спокойно, с уверенностью, что их никто не обидит, а если такое случится, можно обратиться к ворам, как к власти, за помощью. У воров была своя — несложная — идеология. Самый способ своего существования они оправдывали просто: «все воруют» — все общество, по их убеждению, стронется на воровстве, на блате.

В структуре лагерной среды с ее кастовостью и неравноправием, с привилегиями для немногих, с монополий власти проглядывает слишком много аналогий с *волей*. Это не ускользнуло и от Л. Самойлова. Он справедливо пишет: «Лагерное общество уголовников отразило какие-то черты всей жизни советского общества» (там же, с. 162). О том же говорится и в обсуждаемом очерке. Правильнее было бы сказать, что лагерь и общество отразили друг друга, это как бы два зеркала, обращенные одно к другому.

Общество воров было государством в государстве, структурой в структуре. Все человечество делилось для них на две полярно противоположные категории — на воров и неворов, *фраеров*. Другие различия между людьми не имели такого значения или вовсе не признавались. Национальной розни не было, антисемитизмом они не были заражены совершенно. Важно одно — вор ты или нет.

Существовало, впрочем, еще одно фундаментальное социальное различие, на этот раз возникшее внутри самой правящей касты: между ворами и *суками*. Это различие, вероятно, все еще сохраняется, если судить по признанию Л. Самойлова, что он находился в *сучьей зоне*. Возможно, этим отчасти и объясняются несходства между его и моими впечатлениями.

Кастовая структура лагеря, ее воспроизводимость, ее аналогии с трехкастовой структурой первобытного общества на стадии его разложения — одно из наиболее интересных и ценных наблюдений Л. Самойлова. Однако классические касты имеют наследственное происхождение, они непроницаемы для представителей других каст. В лагере человек все же может, в некоторых случаях, подняться по иерархической лестнице или, напротив, его могут *опустить* на социальное дно, совершив особый обряд. Эта социальная мобильность — конеч-

но, относительная — отличает так называемые касты лагерного социума от классических каст и сближает с социальными слоями общества за пределами лагерной зоны. Поэтому, говоря о лагере, уместнее пользоваться нейтральными понятиями, такими, как социальная страта, система социальных страт. Хотя следует признать, что сословие воров вследствие его замкнутости и регламентации всей жизни его членов вплоть до взаимоотношений с внешним миром обладает многими признаками касты.

Л. Самойлов отмечает еще несколько важных особенностей лагерного социума. Среди них — ритуализация поведения (включая явления, подобные первобытным инициациям), табуирование определенных слов, вещей и действий, цветовая символика. К ним относится и система знаков — например, наковка. В этих явлениях выражается принадлежность человека к определенной социальной категории, его социальный статус, место в социальной иерархии. Все это приводит Самойлова к мысли, что лагерное общество во многом строится по модели первобытного. Впрочем, в сравнении лагерного общества с первобытным не все у Л. Самойлова убедительно. Что первобытного в «особом почитании матери»? К чему оно в этом ряду и не относит ли автор это явление к пресловутому матриархату? В целом, однако, наблюдения Самойлова поражают своей меткостью.

Обоснованы ли эти аналогии с первобытным обществом? И если они обоснованы как объяснить этот феномен? И наконец, по какой же все-таки модели строится лагерное общество? Ведь только что говорилось совсем о других аналогиях.

Л. Самойлов объясняет существование явлений, сближающих лагерное общество с первобытным, особенностями эволюции человека на протяжении последних 40 тыс. лет, после того, как сформировался человек современного физического — типа — *Homo sapiens*. Менялась, усложнялась, обогащалась культура, но психофизиологическая основа эволюции оставалась на том же уровне, на каком она находилась в эпоху позднего палеолита. А если это так, — я думаю, что это так, — не удивительно, если те или иные социумы, по каким-то причинам, воспроизводят древние, первобытные структуры общественной жизни и социальной организации. Что именно заставляет их это делать, еще далеко не ясно, это еще необходимо изучать, чаще же всего это происходит тогда, когда они оказываются в особых, экстремальных ситуациях. В основе этого феномена, как я думаю, лежат единые для всего человечества структуры сознания, единые как в пространстве, так и во времени. Они-то и способствуют воспроизводству в различных группах человечества, в разные эпохи, неких универсальных явлений в социальных отношениях и духовной культуре, сближающих современные социальные системы или отдельные явления культуры с первобытными.

Примеров этого этнография, социология, история, да и окружающая жизнь предлагают немало. Таков мир воров, как на воле, так и в заключении, где мы имеем возможность наблюдать присущие ему особенности как бы в концентрированном и обнаженном состоянии. Таковы стихийные объединения подростков. Как воспроизводятся структура первобытного социума и свойственные ему парадигмы сознания в группе подростков, поставленных в экстремальные условия, показано в замечательном романе У. Голдинга «Повелитель мух». Можно высказать предположение, что попади группа вполне современных мужчин и женщин, скажем, на необитаемый остров, где они вынуждены были бы вести длительное существование в условиях полной изоляции от внешнего мира (своего рода коллективная робинзоада), они воспроизвели бы структуру первобытной общины. В масонских ложах и других тайных обществах воспроизведены многие характерные черты тайных, или мужских союзов поздней первобытности. Этот пример показывает, кстати, что Л. Самойлов не совсем прав, утверждая, что первобытность выходит наружу в условиях «дефицита культуры» (лучше сказать — цивилизации, так как первобытные люди культурны не меньше нас).

Дело, очевидно, не в недостатке культуры. В разгадке этого феномена могли бы помочь теория архетипов К. Юнга и современный структурализм. Разумеется, универсальные явления, порожденные древними архетипами мифологического сознания, предстают не в чистом виде, их конкретный, индивидуальный облик обусловлен социально-историческими факторами, культурной средой, экологией. Вот чем объясняется то сходство лагерного мира с обществом по ту сторону проволоки, о котором говорилось выше. Ведь этот мир формировался не в вакууме.

Наша психофизиологическая природа, утверждает Л. Самойлов, адаптирована к условиям экологии и социокультурной среды позднего палеолита. То, что она сформировалась тогда — несомненно. Но верно и то, что только человеку, единственному из всех живых существ, удалось на этой психофизиологической основе создать социальные и культурные механизмы, с помощью которых он сумел приспособиться к любым условиям. И если, как пишет Самойлов, эти механизмы призваны компенсировать противоречия между психофизиологическими данными человека и социокультурными условиями его существования, то эта задача выполнялась ими уже в первобытную эпоху. На это были ориентированы и система воспитания и социализации, и обряды инициации, и социальные нормы. В этом отношении первобытное общество (в том числе и позднепалеолитическое) не отличалось принципиально от нашего. И механизмы культуры, и характер взаимодействия между природой человека и его социокультурной средой были в основном те же самые.

Необходимо сказать, что сопоставления современного лагерного (и любого другого) социума с первобытным обществом допустимо делать лишь с большой осторожностью. О первобытном обществе среди широкой публики, а нередко даже среди специалистов, бытуют упрощенные и неверные представления. Оно кажется многим диким, примитивным, неразвитым, подавленным страхом перед стихийными силами природы. В действительности все это далеко от истины. Культура первобытного общества по-своему богата и сложна. Его религия, мифология, по мере того как погружаешься в них, поражают сложностью и многообразием, глубиной постижения мира. Далеко не примитивен и язык этих обществ, богат их словарный запас, хотя он своеобразен и отражает реалии данной культуры. Автор статьи глубоко заблуждается в оценке языка первобытных обществ.

Итак, когда мы говорим о воспроизводстве каких-то архаических структур в современную эпоху, надо помнить, что речь идет, главным образом, об универсальных явлениях, о воспроизводстве некоей схемы, а не всего ее богатого культурного содержания, бесконечно сложного и глубоко индивидуального. В прошлом оно составляло цельную систему, теперь мы имеем дело с ее контурами, наполненными иным содержанием, в лучшем случае — фрагментами прежнего. В отличие от современного лагерного мира классическое первобытное общество гармонично, оно живет (или стремится жить) в согласии с самим собой и природой, его не раздражают кричащие противоречия, то загоняемые внутрь, то вырывающиеся наружу. В то же время оно достаточно гибко и пластично. Свойственная ему система социальных статусов еще не превратилась в окостеневшую кастовую систему, это произойдет позднее, при переходе к классовому обществу. Всем этим объясняются и устойчивость первобытной социальной структуры, и ее способность адаптироваться к меняющимся условиям, способность к развитию.

Воспроизводство первобытных социальных структур, структур архаического сознания в современных условиях не следует смешивать с межпоколенной трансмиссией явлений первобытной культуры. Механизм этого воспроизводства иной. Явления, возникающие при этом, не «пережитки» далекого прошлого. Они имеют иное происхождение. Они выполняют задачи, поставленные современной действительностью. В тех конкретных условиях, о которых идет речь в статье, они призваны укрепить, консолидировать коллектив, придать ему

устойчивость, необходимую в борьбе за выживание, сохранить его систему ценностей, организовать его взаимоотношения с внешним миром, с другими социальными группами.

Все то, о чем по необходимости бегло сказано здесь, о чем говорится в статье Л. Самойлова, почти совершенно не изучено. Не изучен, прежде всего, сам феномен воспроизводства древних социальных структур в современных условиях, причины и механизмы этого явления. Плохо, а порою почти не изучены те социальные общности, в которых оно наблюдается. Это относится и к лагерной среде, о которой шла здесь речь. Она еще ждет своих исследователей. Как и любое иное общественное образование, ее необходимо изучать изнутри, хотя совсем не обязательно проникать в нее тем же способом, каким оказались в ней авторы обсуждаемой статьи и этого отклика на нее.